

Горная тропа, ведущая к Чжао Умяню, была неровной и извилистой. Чэн Ваншу с большим трудом поднимался по ней, но все равно находил в этом радость.

Чэн Ваншу воскликнул:

— Вот она — сила моего кумира!

В конце концов, он был совсем молодым парнем, простодушным и наивным. Подражая героям из сериалов, он сорвал травинку и положил ее в рот, но в итоге лишь долго плевался из-за горького сока стебля. По пути он также подобрал прямую и длинную ветку, которой то воодушевленно размахивал, то использовал ее как трость. Вот так он и забавлялся всю дорогу.

Он отправился в путь еще до рассвета, а когда добрался до места культивации Чжао Умяня, солнце уже стояло в зените.

Здесь радовали глаз живописные горы и прозрачные ручьи, щебетали ласточки и пели иволги. Под сенью огромного векового дерева располагался прозрачный пруд. Если пройти от него десять шагов на восток, можно было увидеть укромную пещеру, полную духовной энергии, в которой было тепло зимой и прохладно летом. В самой глубине пещеры находилось созданное самой природой ложе из сталагмитов, на котором Чжао Умянь обычно медитировал и культивировал.

Чэн Ваншу вошел в пещеру и весело произнес:

— Мян-Мян, угадай, какую вкуснятину я тебе принес...

Прежде чем он успел договорить, перед ним открылась жуткая картина, заставившая его резко замолчать.

Все четыре стены пещеры были покрыты причудливыми рунами, выведенными киноварью, на земле виднелись темно-красные следы. Неизвестно, была ли это кровь, но в воздухе стоял отчетливый металлический запах.

Чжао Умянь стоял перед каменным ложем спиной к выходу. Его волосы в беспорядке рассыпались по плечам, одежда была порвана, а костяшки опущенных рук покрывали темно-красные ссадины и синяки.

Перепуганный Чэн Ваншу не решился пройти дальше в пещеру. Вытянув шею, он осторожно спросил:

— Что... что здесь произошло? Культивация пошла как-то не так? Если возникли проблемы, не спеши. Рано или поздно все равно достигнешь успеха.

Услышав его голос, Чжао Умянь медленно повернул голову.

На щеке Чжао Умяня от левого уголка глаза до самого подбородка протянулся пугающий алый след либо от крови, либо от киновари. Его обычно яркие, как звезды, глаза сейчас словно подернулись мутной пеленой и налились кровью.

Чэн Ваншу сразу же догадался, в чем дело.

Скорее всего, Чжао Умянь претерпел искажение ци во время культивации и впал в безумие.

Поскольку Чжао Умянь был самоучкой, он практиковал не даосское искусство праведного

пути, а необычные, темные техники. При такой культивации было слишком легко потерять контроль над сердцем и душой. Люди со слабой волей могли впасть в неистовство и даже покончить с собой.

По сюжету новеллы Чжао Умянь в одиночку превозмог искажение ци, после чего его культивация достигла великих высот.

Чэн Ваншу знал, что во время искажения ци Чжао Умянь не осознает происходящее и способен на все что угодно. Хотя он беспокоился и переживал за него, Чэн Ваншу ничем не мог ему помочь, оставаясь здесь, поэтому он решил сначала покинуть пещеру, а уже потом строить дальнейшие планы.

Затаив дыхание, Чэн Ваншу осторожно, словно в присутствии спящего свирепого зверя, начал медленно переставлять ноги по направлению к выходу из пещеры.

Но едва он сделал пару шагов, как Чжао Умянь резко поднял руку ладонью вверх и согнул пальцы внутрь.

Чэн Ваншу почувствовал, как неведомая сила ухватила его за воротник и с силой швырнула вглубь пещеры. Все вокруг завертелось перед его глазами, и он тяжело рухнул на землю так, что из глаз посыпались искры.

Не успел Чэн Ваншу прийти в себя, как Чжао Умянь схватил его за горло и поднял в воздух.

Чэн Ваншу мысленно закричал: "Жесть! Злонамеренное убийство преданного читателя! Мян-Мян, пощади! Если задушишь меня, потеряешь своего самого верного фаната! Тогда больше никто не станет обсуждать с тобой "Капитал", закон сохранения импульса, реакции обмена и неравенство Коши!"

В тот момент, когда Чжао Умянь схватил его за шею и поднял в воздух, Чэн Ваншу еще был способен мысленно отпустить шуточки.

Но как только он почувствовал удушье, страх смерти охватил все его существо. От невыносимой боли лицо Чэн Ваншу сильно исказилось. Он инстинктивно вцепился в запястье Чжао Умяня, пытаясь что-то сказать, но из горла вырывалось лишь слабое мычание.

В этот критический момент в теле Чжао Умяня активировалось гу-дитя. Он почувствовал резкую боль в груди и выплюнул полный рот крови, запачкавшей его подбородок и ворот одежды. Его запястья ослабли, и он был вынужден отпустить Чэн Ваншу.

Чэн Ваншу в панике отполз на два шага назад. Он увидел, как Чжао Умянь прикрыл рот рукой, через пальцы начала сочиться кровь, а затем его тело, словно лишившись костей, безвольно рухнуло на землю.

Потирая нестерпимо болевшую шею, Чэн Ваншу тяжело и прерывисто дышал. Прошло немало времени, прежде чем он пришел в себя после пережитого ужаса.

"Кто оказался в беде и едва спасся от смерти, того в будущем ждет счастье".

Утешая себя этой мыслью, Чэн Ваншу подполз обратно к лежащему без сознания Чжао Умяню. Убедившись, что тот еще дышит, Чэн Ваншу вздохнул с облегчением.

Он вспомнил, что по сюжету новеллы после искажения ци Чжао Умянь точно так же потерял

сознание, а когда снова очнулся, его разум уже прояснился. Чэн Ваншу предположил, что Чжао Умянь больше не причинит ему вреда.

Чэн Ваншу никак не мог оставить Чжао Умяня лежать в одиночестве в этой холодной пещере. Превозмогая боль в пострадавшем теле, он, прихрамывая, вышел наружу, набрал сухих веток и камней, а потом развел в пещере маленький костер и сел рядом с Чжао Умянем, дожидаясь, когда тот придет в себя.

Пока Чэн Ваншу сторожил рядом с ним, на него навалилась усталость, и он задремал, склонив голову набок.

Когда Чжао Умянь открыл глаза, он увидел в полуметре от себя дышащий теплом костер и понял, что его голова покоится на коленях Чэн Ваншу, а сам он укрыт его верхней одеждой.

Покой и тепло этого момента заставили Чжао Умяня почувствовать себя так, будто он находится в мире грез.

В прошлой жизни он несколько раз испытывал искажение ци. Каждый раз, выжив после того, как побывал на грани смерти, он приходил в себя либо в холодной пещере, либо в полном ядовитых миазмов Гиблом лесу, либо в пруду, по пояс в воде.

Он давно уже привык к постоянной опасности и полному одиночеству.

Для него жестокая судьба и одиночество в этом мире были привычными и даже неизбежными.

Как так вышло, что все изменилось? И почему?

Чжао Умянь прижал одну руку к ноющей груди, а другой уперся в землю, медленно поднимаясь на ноги.

Его движение разбудило Чэн Ваншу.

— М-м? — сонно открыл глаза Чэн Ваншу, потирая их тыльной стороной ладони. — Мьянь-Мьянь, ты как? Кхе-кхе.

Из-за боли в горле он не удержался и закашлялся, прикрыв рот рукой.

Услышав, что голос Чэн Ваншу звучит так хрипло и грубо, словно деревянную доску тащат по песку, Чжао Умянь хотел было спросить, в чем дело, как в следующее мгновение его разум захлестнули воспоминания о том, что происходило в то время, когда находился под влиянием искажения ци.

Чжао Умянь вспомнил, как он навредил Чэн Ваншу и даже едва не лишил его жизни.

Если бы не гудитя, то, придя в себя, он увидел бы безжизненное тело Чэн Ваншу с застывшим от ужаса взглядом.

Несмотря на то, что прямо перед ним горел костер, Чжао Умянь почувствовал, как по его спине пробежал холодок, чаще забилось сердце и перехватило дыхание.

Эта реакция показалась Чжао Умяню совершенно чуждой, он не знал, как ее описать.

Намного позже, снова вспоминая этот день, он внезапно осознал, что в тот момент ему было страшно.

— Я... Ты... — Чжао Умянь посмотрел на многочисленные отметины на теле Чэн Ваншу и на мгновение лишился дара речи.

Чэн Ваншу махнул рукой, давая понять, что Чжао Умяню не нужно ничего говорить. Он порылся в прихваченном с собой узелке и достал оттуда пакет из промасленной бумаги. Развязав тонкую пеньковую бечевку и вынув мягкие белые пирожные с порией и османтусом, он протянул их Чжао Умяню.

Чжао Умянь на мгновение остолбенел. Он посмотрел на Чэн Ваншу и увидел, что тот улыбается ему, и эта улыбка была яркой, как солнце.

Чэн Ваншу слегка дернул вверх подбородком, показывая на сладости.

— Вот, попробуй.

Чжао Умянь: "..."

Как может на свете существовать такой человек, который даже после того, как его едва не убили, с сияющей улыбкой предлагает сладкую выпечку?

— Почему ты не боишься? — спросил Чжао Умянь.

— А? — удивился Чэн Ваншу.

Чжао Умянь продолжил:

— Я чуть не убил тебя.

— Это же было ненамеренно, — спокойно ответил Чэн Ваншу. — С другой стороны, ты действительно должен передо мной извиниться. Быстро скажи "прости".

Чжао Умянь: "..."

Лицо Демоноликого владыки то бледнело, то краснело. Он то сжимал губы, то снова приоткрывал их, и только спустя долгое время произнес три слова, которые никогда раньше не говорил и думал, что абсолютно точно никогда не произнесет:

— Прости...

— Все в порядке, я тебя прощаю, — ответил Чэн Ваншу. — Так что, будешь пирожное с османтусом?

Эти слова отозвались волнением в душе Чжао Умяня, подобно падающим в пруд лепесткам цветов, которые пускают по воде круги.

Прости. Все в порядке.

Неужели несколько коротких слов способны растопить лед отчуждения в человеческих отношениях?

Он не верил в это, и поэтому начал пристально всматриваться в душу Чэн Ваншу.

Там не было ни затаенной обиды, ни ненависти.

Никакого зла — лишь безграничное великодушие.

Подумать только, в этом бескрайнем мире среди бесчисленных прекрасных гор и рек все же нашлись пейзажи, которых Демоноликий владыка никогда прежде не видел.

<http://bllate.org/book/16983/1635435>